

Жил не жил...

ЖДЕТЕ КОГО-НИБУДЬ, молодой человек? Байков оглянулся. На крыльце подъезда, шурясь от солнечного света, стояла его бывшая соседка по этажу Анна Ильинична, сварливая, вовсе сующая свой длинный нос старуха.

— Если Виктора Ременчука, — продолжала она, глядя на него из-под ладош, — так нет его — ни свет ни заря укатил на рыбалку.

— Двор навестить зашел, Анна Ильинична, — Байков широко улыбнулся. — В командировку приехал. Времени свободного много, дай, думаю, загляну. Здравствуйте.

— Здравствуй, милый, здравствуй, — старуха осторожно и как-то боком сошла с крыльца и грузно села на стоящую напротив скамейку.

— Не узнаете, что ли, Анна Ильинична?!

— Не припомню чего-то.

— Больше пяти лет жили дверь в дверь, а забыли — нехорошо, — Байков укоризненно покачал головой.

Хорошо не хорошо, а разве ж всех упомнишь, — старуха пожала плечами.

Да неужели я так сильно изменился? — Байков ненатурально хохотнул.

— Откуда мне знать?

Ну как же, Анна Ильинична, — Байков растерялся — Жил я. Вот за этими окнами, — он показал рукой. — На третьем этаже. Угловые. Да и встречались мы с вами частенько.

— Это к тебе бабы на ночь глядя приходили? ;

Да вы что, Анна Ильинична! Какие бабы? Один я жил. На заочном учился. Не до женщин было.

— Ну, тогда не помню, — старуха отвернулась, помолчав, спросила: — Фамилия-то твоя какая?

— Байков. Байков Николай.

— Байков... — старуха пожевала губами, посмотрела на окна, протянула. — Курилова Александра Дмитриевича, как сейчас, помню. Обходительный был мужчина, вежливый...

Курилова Байков тоже помнил. Жил он этажом выше, работал где-то в торговле. То ли бухгалтером, то ли ревизором. При случайных встречах, по обыкновению вечером, тот приветствовал всегда одной и той же фразой: «Как живешь, сосед?», на что он неизменно отвечал: «Поживем — увидим». «Это точно», — охотно соглашался тот и проходил мимо, огромный, тучный, густо пахнувший

одеколоном.

— Агриппину, что в соседнем подъезде жила, тоже помню, — продолжала старуха, морща лоб...

Байков ее тоже помнил — эту Агриппину, горластую молодую бабу, всегда встречающую с работы мужа на крыльце. И если тот, долговязый, безропотный, задерживался хотя бы на пять минут, поднимала такой крик, что становилось неловко за нее даже растущим во дворе тополям.

— ...Уехали они в прошлом году куда-то, — старуха на секунду замолчала... — Лившица помню. То же уехал. Дай Бог памяти, года три назад, осенью, к родителям еенным.

Лившица Байков тоже хорошо помнил. Это был грузный, неторопливый в движениях мужик, большой любитель пива и разговоров о политике. Появлялся он во дворе обычно вечером, проходил в беседку, садился за столик, обкладывался грудой газет и громогласно высказывал свое мнение о «текущем моменте», собирая вокруг себя и мужиков, и баб.

— Анастасию Федоровну помню, царство ей небесное, — старуха мелко перекрестилась. — Померла, сердечная, месяц назад.

Анастасию Федоровну, прозванную за маленький рост «Дюймовочкой», знали все жители двора. Одинокая, тихая, она с какой-то непонятной ему радостью возилась с чужими детьми, которых «подбрасывали» ей обычно молодые семьи.

— А тебя не припомню. Ты уж извини меня, старую.

— Стольких помните, а меня нет, — Байков обиженно усмехнулся. — Выходит, что все это мне просто приснилось, что ли?

— Работал-то где? — помолчав, спросила старуха, внимательно глядя на него.

— Мастером в тресте.

- А жена была?

— Один я жил, — хмуро уронил Байков, глядя под неги. — Один.

Старуха тихо вздохнула, обвела взглядом двор и вдруг закричала:

— Ирина, поди-ка сюда!.. Поди, поди.

Байков обернулся. От соседнего подъезда в их сторону, придерживая рукой юбку, засеменяла высокая старуха.

— Она помоложе меня будет, да и живет подольше, — пояснила Анна Ильинична. — Вспомнит, ежели жил. Да жил я! — почти выкрикнул Байков. — Жил. Пони-

маете!

— Здравствуйте, — тонким голосом проговорила старуха, окидывая Байкова внимательным, по-стариковски бесцеремонным взглядом. Перевела глаза на Анну Ильиничну: — Чего понадобилась-то?

— Да вот, — Ильинична показала рукой на Байкова. — Человек говорит, что жил здесь. А я что-то не припомню. Глянь, у тебя память получше.

Старуха поджала губы, еще раз внимательно посмотрела на него. Байков внутренне сжался.

— Не жил он, — проговорила та. — Я тут всех помню.

— Вот и я говорю, что не жил, — подтвердила Ильинична.

— Да как же не жил-то?! Что я, повашему, свихнулся, что ли!

Может, и свихнулся, — старуха поджала губы. — А не жил.

Ильинична сочувственно посмотрела на него, спросила:

— Может, ты двор перепутал? Дворов-то в городе пропасть.

— Да ничего я не перепутал! — взорвался Байков. — Больше пяти лет ходил здесь на работу, с работы, в магазин, из магазина... Что я... — махнул рукой.

Замолчали.

— Погодь, милый, — неожиданно проговорила Ильинична. — Мы сейчас у мужика спросим. Мужик-то мужика всегда признает, — приподнялась, крикнула; — Георгий, а ну-ка чаль сюда.

— Чего тебе? — хмуро спросил тот, подойдя и переминаясь с ноги на ногу. — Я сегодня трезвый, так...

— Погодь ты, — Ильинична отмахнулась. — Тут вот человек говорит, что жил здесь, а мы с Марьяновной что-то ну никакие припомним. Может, ты вспомнишь.

Байков знал этого мужика. В то время он всегда ходил «выпимши», всегда с песнями и скандалами и как-то раз даже зашел к нему с надеждой занять денег.

Мужик окинул Байкова взглядом, неохотно буркнул:

— Такого не видел.

Вот и я говорю, что не жил он здесь, — сказала старуха, — а одно заладил — жил да жил.

— А ну вас, — мужик махнул рукой и, не оглядываясь, ушел.

Байков смотрел под ноги, почти физически ощущая на себе сочувствующие взгляды старух и не зная, что делать, что говорить.

То, что произошло, никак не укладывалось в его сознании, и даже где-то в глубине мелькнула мысль о том, что, может, он и на самом деле перепутал двор, но, взглянув на старух, тут же отбросил сомнения.

— Пойду, — пробормотал он, поднимаясь. — До свидания.

— А всего доброго, всего доброго, — отозвались те в голос.

Он отошел на несколько шагов и услышал приглушенное:

— Обидели человека, — сказала Ильинична.

— Чего обидели-то? — возразила старуха. — Если б жил — узнали.